

УДК 94(470)«16/18»

**АХМЕД-ХАН КАЙТАГСКИЙ МЕЖДУ ТРЕМЯ ИМПЕРИЯМИ: ПРОБЛЕМЫ
ОРИЕНТАЦИИ В СВЕТЕ КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ СТОРОН**

Н.А. Сотавов

Дагестанский государственный университет

ruslan070@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Ахмед-хана Кайтагского по сохранению и укреплению подвластного ему владения в условиях противоборства за гегемонию на Кавказе между Ираном, Турцией и Россией. Определены методы и средства решения поставленных задач, достижения намеченных целей. Показано влияние приводимой им политики «лабиринтов» между геополитическими соперниками на события в дагестанском и кавказском масштабах.

Annotation: In the article it is considered the activity of Ahmed- khan Kaytagsky to save and strengthen his possession in confrontation conditions for hegemony in the Caucasus between Iran, Turkey and Russia. The ways and means for solving tasks, achieving goals are identified. There is shown influence of his "maneuvering" policy of geopolitical rivals on the events in Dagestan and Caucasus scale.

Ключевые слова: Ахмед-хан Кайтагский, Кавказ, Дагестан, Турция, Иран, «политика лабиринтов»

Key words: Ahkmed-khan Kaitagsky, Caucasus, Daghestan, Turkey, Iran, «maneuvering policy»

Автор ставит цель на основе новых материалов центральных и местных архивов, трудов отечественных и зарубежных авторов, преимущественно иранских, турецких, английских, французских и немецких, представить целостную картину деятельности на кавказской арене виднейшего дагестанского владетеля, каким и являлся кайтагский уцмий Ахмед-хан. Приводимый ниже конкретный материал – наглядное тому подтверждение.

Первая половина XVIII в. – важный этап в истории народов Дагестана, отличающийся резким обострением борьбы за овладение Кавказом между Россией, Ираном и Турцией. В ходе этой борьбы во властных структурах оказались новые дагестанские правители, среди которых видное место занял и кайтагский уцмий Ахмед-хан. Однако, если отдельные из них получили адекватное своим деяниям освещение в специальных исследованиях, то другие, в частности, кайтагский уцмий Ахмед-хан, не стали объектом такого внимания.

Сказанное подтверждается хотя бы тем, что Сурхай-хану Казикумухскому заслуженно посвящено фундаментальное монографическое издание (Мусаев С.А., Курбанов А.Д., Каяев И.А., 2011.), Хаджи Дауд-беку Мюшкюрскому – кандидатская диссертация (Бутаев А.А., 2003) и специальная зарубежная публикация (Sidorko K., 2000.), тарковскому шамхалу Адиль-Гирею – совместная статья двух авторов в реферируемом ВАК Минобразования РФ издании (Демир-Шакир, Сотавов М.Н., 2011.).

Что касается Ахмед-хана Кайтагского, то его деятельность осталась лишь предметом диссертационных исследований (Рашидов М.Р., 2004; Аллаев М.Н., 2005), недоступных широкому кругу читателей, и отдельных статей (Алиев Б.Г., 1988; 2003; 2006; Муртазаев А.О., 2006; 2012), затронувших изучаемую проблему касательно 20-х – начала 30-х гг., тогда как целенаправленный, судьбоносный, жизненно важный этап борьбы дагестанских владетелей, особенно, уцмий Ахмед-хана, за спасение своих владений и Дагестана в целом, наступил в конце 30-х – начале 40-х гг. XVIII в. Не могли восполнить по своему предназначению оставшийся пробел относительно деятельности Ахмед-хана Кайтагского и другие работы А.О. Муртазаева (Муртазаев А.О., 2007) и Б.Г.Алиева (Алиев Б.Г., Муртазаев А.О., 2008), хотя в них представлены новые важные материалы о борьбе уцмий против Надир-шаха.

Исходя из сказанного, в статье предпринята попытка освещения сложной проблемы внешнеполитической ориентации уцмья Ахмед-хана по следующим этапам: 1) период борьбы за свержение иранского владычества Сефевидов (1707–1721 гг.); 2) начальный период вхождения Дагестана в состав России (1722–1735 гг.); 3) период завершения образования и распада державы Надир-шаха (1736–1747 гг.).

Такой подход к проблеме показывает, что управлять Кайтагом Ахмед-хану пришлось в сложное и тревожное время. Придя к власти в острой борьбе со сторонниками Ирана в Дагестане, он добился от шаха Султан Хусейна признания себя уцмием Кайтага в 1710 г., «которому, – по данным А.А. Бакиханова, – вместо ста туманов жалованья было назначено в год по двести туманов» (Бакиханов А.-К.А., 1991. С. 124). «Усиливаясь (с тех пор) день со дня», – подчеркивают и авторы совместного труда, – Ахмед-хан пошел войною на Табасаран, разграбил несколько деревень, после чего правители его «изъявили покорность и отправили заложников» (Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К., 1999. С. 273).

Кроме того, несмотря на оказанное шахом Хусейном доверие к себе, Ахмед-хан – сын видного руководителя антииранской борьбы второй половины XVII в. уцмья Уллубия – сам принял активное участие в свержении иранского владычества с приходом к власти в Кайтаге. В 1711 г. войска Ахмед-хана участвовали во взятии Шабрана. В 1712 г. уцмий Ахмед-хан, Дауд-бек Мюшкюрский, Сурхай-хан Казикумухский и Алисултан Цахурский осаждали Шемаху, но не смогли взять этот город и вернулись в свои владения.

Спад антииранских восстаний в 1713–1719 гг. не усилил иранское господство на Кавказе. Разложение Сефевидской державы достигло апогея, резко ослабив влияние центра на окраины. Внешнеполитические позиции уцмья Ахмед-хана в эти годы, как и некоторых других владетелей, конкретно проявились в их отношении к представителю части российского посольства А.И. Лопухину, отправленному главой посольства А.П. Волынским и шемахинским беглербеги Кей Хосров-ханом из Шемахи через Дагестан в российскую крепость на реке Сунже – Терки.

С сопроводительными письмами от Волынского и Кей Хосров-хана в адрес сопровитателя шаха в Дагестане дербентского султана, нового сторонника Ирана казанищенского владетеля Умалата, шамхала Адиль-Гирея и кайтагского уцмья Ахмед-хана команда А.И. Лопухина 20 марта прибыла в Дербент, но не могла выехать из крепости до 19 апреля из-за крайне обострившейся ситуации в этих краях. Обращение А.П. Волынского и Кей Хосров-хана к указанным владетелям за содействием в проезде А.И. Лопухина обуславливалось тем, что Умалат оставался послушным, но бессильным вассалом шаха, а реальной властью и влиянием в этой части Дагестана обладали шамхал Адиль-Гирей и уцмий Ахмед-хан (Лопухин А.И., 1958. С. 10).

Сказанное подтверждается тем, что для дальнейшего следования Лопухина из Дербента в уцмиево владение требовалось официальное разрешение самого уцмья с письменным заверением о том, что он доставит членов посольства до шамхальских границ. Однако на представленные уцмию 24 марта письма А.П. Волынского и Кей Хосров-хана о содействии проезду А.И. Лопухина и его людей, он ответил отказом, ссылаясь на то, что не состоит в подданстве их государей, не получает от них жалованья и не может гарантировать безопасность их проезда через свое владение.

Отъезд Лопухина из Дербента продолжал задерживаться под различными предложениями дербентским султаном и уцмием Ахмед-ханом потому, что каждый из них пытался таким путем добиться выгодных для себя уступок с российской стороны. Однако, под давлением терского коменданта Адиль-Гирей добился согласия уцмья на проезд А.И. Лопухина через свое владение. 16 апреля в Дербент для сопровождения А.И. Лопухина прибыли доверенное лицо Адиль-Гирея Хаджи Чолпук, черкесский мурза Али и 11 человек охраны, присланные из Терки. Выступив из крепости 17 апреля, А.И. Лопухин и его команда в тот же день достигли речки Дербак, разделяющей границы уцмийства от дербентского султанства, где их встретили брат и сын уцмья для препровождения в аул Бойнак к владетелю Муртазали, чтобы он доставил их в Тарки.

Казалось бы, возникшие трудности были устранены, но Лопухина и его группу впереди ожидали новые, более опасные препятствия, чинимые местными владетелями, особенно, уцмием Ахмед-ханом. Так, 20 апреля при следовании в Бойнак к А.И. Лопухину прибыл представитель уцмья, который заявил, что ему с командой надо ехать в аул Каякент, где их ожидают сам Муртазали и отемишский владетель Султан Махмуд для препровождения в Тарки.

Но на реке Куц, отделяющей владения уцмья от границ подвластной Султан Махмуду территории, пришлось ждать сутки. 21 апреля к ожидавшим прибыл Султан Махмуд, вынудивший А.И. Лопухина выдать за проезд через свое владение 50 руб. денег и 5 лошадей. Мало того,

недалеко от Каякента на команду А.И. Лопухина было учинено внезапное нападение. «Султан Махмуд сам, усмиев брат двоюродный с людьми усмиевыми, Мортузалиев дядька с людьми Мортузалиевыми, – перечисляет А.И. Лопухин в своем «Журнале», – на нас ударили и начали стрелять все с тем намерением, чтобы никою из нас в живых не пустить... для того чтобы не было сыску ведения, от кого такая причина зделалась» (*Лопухин А.И.*, 1958. С.34).

Несмотря на неравенство сил, А.И. Лопухин отбилсся с небольшими потерями, взял направление в сторону моря, чем и спас своих людей. Прибывший к А.И. Лопухину в тот же день проводник привел их в Бойнак, где при встрече с А.И. Лопухиным Муртазали выразил притворное сожаление о случившемся, возложив вину на других участников, заявив при этом, что Султан Махмуд «... ныне такое бедство сделал, договорясь с уцмием» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 36).

Однако фактически Муртазали замышлял новые козни, предлагая Лопухину ехать не прямо в Тарки, а через Казанище, стараясь выдать его в руки антироссийски настроенного Умалата. Но А.И. Лопухин, предупрежденный об этом верными источниками, настоял на прямом таркинском маршруте. Муртазали вынужден был проводить Лопухина до реки Манас, являющейся границей между его Бойнакским владением и Тарковским владением шамхала Адиль-Гирея.

22 апреля команда А.И. Лопухина прибыла в Тарки и была принята Адиль-Гиреем для сопровождения на реку Сулак, где его ожидали представители аксаевского князя Султан Махмуда, чтобы доставить в крепость Терки. 2 мая под охраной Адиль-Гирея группа А.И. Лопухина прибыла на Сулак, встретила с Султан Махмудом, под прикрытием которого 5 мая 1718 г. прибыла в Терскую крепость.

Таким образом, передвижение части российского посольства из Дербента до Терки заняло ровно полтора месяца – с 20 марта до 5 мая – и было связано с большими трудностями, организованными указанными владетелями, среди которых особую активность проявлял уцмий Ахмед-хан. Тем не менее, толкнув Султан Махмуда и Муртазали с участием своих людей к нападению на команду Лопухина, сам уцмий остался в стороне, добившись даже того, что при расставании с А.И. Лопухиным Адиль-Гирей заверил его в том, что «... он (уцмий. – Авт.) в сем деле (нападении. – Авт.) не виноват, и люди ево, которые были с вами, они их (от нападавших. – Авт.) унимали» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 36).

Приведенный эпизод – подтверждение готовности уцмийа пожертвовать интересами других владетелей ради достижения собственных целей. Более ощутимо эта черта характера уцмийа в сочетании с умением лавировать между Россией, Ираном и Турцией проявилась в последующих событиях – Каспийском походе Петра I и начальном периоде вхождения Дагестана в состав России.

Наиболее важным событием, ускорившим поход Петра I на западный берег Каспия, стало взятие 7 августа 1721 г. дагестанскими повстанцами во главе с Сурхай-ханом и Хаджи Дауд-беком главного центра иранского владычества на Кавказе – Шемахи с уничтожением 800 членов иранской администрации во главе с Кей Хосров-ханом и 300 русских купцов, изъяв у них товаров от 1 до 2 млн. руб.

Поход во главе с самим царем завершился присоединением к России дагестанского побережья Каспия от Аграханского залива до реки «Миллюкент» (Молла-кент. – Авт.). Он проходил в благоприятной для России политической обстановке с ориентацией на нее основной массы населения края, в том числе, владетелей, за исключением Эндирея и Отемиша, за что они подверглись суровому наказанию.

Что касается сумбурных сведений, содержащихся в письме шамхала Адиль-Гирея за 1721 г. (без числа и месяца. – Авт.) канцлеру Г.И. Головкину об участии уцмийа Ахмед-хана во взятии Шемахи и учиненных злодеяниях вместе с Сурхай-ханом и Дауд-беком (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти – XVIII в., 1958. С. 242), то считать их достоверными затруднительно, ибо ни в докладных астраханскому губернатору А.П. Вольнскому спасшихся от шемахинского побоища русских купцов, ни в реляции Коллегии иностранных дел резиденту И.И. Неплюеву в Стамбул, уцмий Ахмед-хан ни разу не упоминается, в то время как действия Сурхая и Дауд-бека представлены подробно (АВПРИ. Ф. 77, 1741. Д.7. Л. 144 об. – 145; Д. 8. Л. 6 об.).

В пользу сказанному свидетельствует и письмо самого Ахмед-хана астраханскому губернатору А.П. Вольнскому, отправленное в апреле 1722 г. с извещением о желании быть в российском подданстве, для чего он отправил аманатами (заложниками. – Авт.) в Терскую крепость брата Арслан-бека, его сына Темирхан-бека и дядю Кочекая. Особый интерес вызывает конец письма с таким заверением: «Ежели ж от его императорского величества (Петра I. – Авт.) приказ какой будет и служить верно буду, токмо прошу... о верности нашей его императорскому величеству

донести» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в., 1958. С. 242–243). Навряд ли уцмий Ахмед-хан, если бы участвовал в шемахинском побоище 1721 г., стал обращаться теперь с ходатайством о принятии в российское подданство.

Другое дело, что с началом похода Петра I позиция уцмий снова изменилась. Ахмед-хан неприязненно встретил этот поход, представил его как иноземное нашествие, чтобы снова толкнуть Султана Махмуда Отемишского на антироссийское выступление. «Далее, – пишет об этом Р.М. Магомедов, – повторился сценарий 1718 г., только в худшем варианте. Уцмий Ахмед-хан опять склонил Султана Махмуда на вооруженное нападение на русские войска, он даже придал ему свои войска, чтобы этим вселить в султана решимость и надежду на победу» (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 70).

Но победы, конечно, не случилось. Авангардные конные части русских сил 16 августа 1722 г. разгромили 16-тысячное кайтаго-отемишское войско, сожгли Отемиш и 7 гимринских аулов, после чего 100-тысячная русская армия двинулась к Дербенту. Но стоявший за кулисами этих событий уцмий Ахмед-хан снова сумел остаться в стороне, внушив царю свою «непричастность» к ним. Мало того, спустя два дня – 23 августа 1722 г. он направил Петру I прошение «на царскую службу» с таким внушением: «Господь свидетель, что в.и.в. в здешних краях раба вернее меня не имеете» (Цит по: *Магомедов Р.М.*, 1999. С. 70).

По-видимому, это обращение оказало на царя какое-то влияние, так как Петр I в своем описании отемишского инцидента даже не упоминает самого уцмий. «Итак, – заключает Р.М. Магомедов, – организовавший его (антироссийское выступление. – Авт.) Ахмед-хан «подставил» Султана Махмуда, а сам остался в стороне, как и в 1718 г.» (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 70).

Но «подставленным» Ахмед-ханом оказался не один Султан Махмуд. Тоже самое, но спустя 7 лет случилось с самым влиятельным в Дагестане и верным союзником России шамхалом Адиль-Гиреем, который, после отъезда Петра I из Дагестана, по различным причинам стал отходить от нее, терять ее доверие и при подстрекательстве Хаджи Дауда, крымского хана и турецкого султана, обещавшим ему всестороннюю помощь, в течение 1725 г. дважды штурмовал главную российскую опору на Кавказе крепость Святой Крест, но был разбит, арестован и сослан в Архангельскую губернию.

Следует отметить, что самое деятельное участие в выступлении шамхала против России принял и уцмий Ахмед-хан, обнадеживая его не только своей, но и поддержкой других владельцев. Вот что пишет об этом очевидец и самый лучший знаток событий И.Г. Гербер: «Сей усмей Ахметхан человек лукавой и неглупой; он чрез свой предговор много к тому помогал, что шамхал против России взбунтовал, и хотя он обязался с войском своим с шамхалом соединиться, однако ж он в то дело не мешался и сидел тихо, ожидая, будут ли турки по обещанию Даудбека шамхалу в помощь, а как он увидел, что турки то не исполнили, а российское войско на шамхала пошло, то поддался он Российской империи и присягу учинил и для того сохранен остался» (*Гербер И.Г.*, 1958. С. 84).

Деятельность уцмий в дальнейшем обрела более выраженный международный характер с поиском новых внешних партнеров для достижения своих стратегических целей. Выбор сначала пал на Турцию, а затем на Иран с сохранением лояльных отношений с Россией. Сотрудничество Ахмед-хана с Портой выразилось в том, что в 1733 г. он сопровождал крымского калгу Фетхи-Гирея с 3–5 тысячным отрядом конников от границ Чечни до Гянджи, а в 1735 г. курировал продвижение 80-тысячной конницы хана Каплан-Гирея от Терека до Дербента.

На этом фоне более существенным выглядит временный альянс уцмий с Ираном в лице Надира, который в 1734 г. принял в подданство сына Адиль-Гирея Хасбулата в роли дагестанского шамхала, а в 1735 г., покорив часть Кайтага, вынудил уцмий к капитуляции, отправив в иранский лагерь в качестве заложницы свою дочь Патимат-ханум (*Сборник русского исторического общества*, 1897. С. 485).

Таким путем Ахмед-хан вошел в доверие к Надиру, который, отправляясь в Индийский поход в 1736 г., поручил ему вместе с шамхалом Хасбулатом сохранить шахскую власть на захваченных им территориях Дагестана. Подтверждение тому – указы шаха от 24 мая и 14 сентября 1736 г., отправленные в связи с антииранскими восстаниями в Дербенте лично уцмию как «хранителю печати Дагестана»: «... наказать это племя», обеспечить в тех краях «мир и спокойствие», принимать меры «против внутренних раздоров», проявлять больше исполнительности и рвения» (*Персидские исторические документы*, 1974. С. 17–18).

Однако, эти указы, так же, как и присланные шахом в августе – сентябре 1738 г., остались невыполненными, что вызвало гнев разъяренного Надира. Узнав об этом, учитывая сложившуюся

обстановку, Ахмед-хан стал отходить от шаха и принял активное участие в разгроме 32-тысячного войска под командованием его брата Ибрагим-хана в Джаро-Белоканах в сентябре 1738 г.

По существу начался новый этап в деятельности Ахмед-хана – этап освободительной борьбы против иранских завоевателей, с усиленным поиском союзников в этой борьбе, с постепенным смещением вектора внешней политики в сторону России. Об этом свидетельствует игнорирование указом шаха от 21 сентября 1740 г., касающегося врагов Ирана, с жестким предписанием «... преследовать их и уничтожить ... никакой пощады им не давать» (Персидские исторические документы, 1974. С. 54–55).

После этих событий Надир-шах осознал, что поражение иранцев и гибель Ибрагим-хана в Джаро-Белоканах в сочетании с продолжавшимися восстаниями в Дагестане и Закавказье могут иметь для Ирана трагические последствия. Исходя из этого, в марте 1741 г. он двинул на Дагестан 100-тысячную армию, чтобы «искоренить горцев» или «изгнать их из гор» (*Лерх И.Я.*, 1790. С. 20–21). Выполняя эту задачу, беспощадно подавлял малейшие попытки к сопротивлению джарцев, азербайджанцев, агулов, табасаранцев и лезгин, к концу мая иранские полчища достигли Дербента.

Над Дагестаном нависла смертельная угроза, ускорившая прозрение наиболее последовательных борцов с захватчиками. В связи с приближением иранских войск Сурхай-хан и уцмий Ахмед-хан обязались взаимной клятвой сражаться до конца (*Сотавов Н.А.*, 2012. С. 121). Такую же позицию заняли Ахмед-хан Мехтулинский и другие владетели, обращавшиеся все чаще к России с просьбой «покровительства и помощи против Надира» (ЦГА РД. Оп.1.Д.65. Л. 10–11).

Но противостоять громадной лавине вражеских войск они не смогли. Оказавшийся на их пути Ахмед-хан Мехтулинский отошел в Аймакинское ущелье, а Сурхай и уцмий, по сведениям российских представителей из иранского лагеря, проявили немало усилий «против шаха стоять», но пришли «в изнеможение» (АВПРИ. Ф. 77/1, 1741. Д.4. Л. 278, 285) и в середине августа оказались в плену. С тех пор Сурхай отошел от борьбы, а на передний край сражений выдвинулся Ахмед-хан Кайтагский (*Гаджиев В.Г.*, 1996. С. 182).

Учитывая, что катастрофическое поражение войск Надир-шаха в Аймакинском ущелье, Аварии и Лакии в сентябре 1741 г. подробно освещено отечественными и зарубежными исследователями, обратимся к тем событиям, в которых непосредственное участие принял сам уцмий Ахмед-хан. Так, согласно достоверным данным, добытым русскими разведчиками, он принял участие в разгроме отступавших иранских войск, благодаря чему напавшие по его сигналу на иранское войско горцы в урочище Капчугай уничтожили крупный отряд, от которого уцелело и «ушло в Дербент человек со ста и то нагие» (АВПРИ. Ф. 77/1, 1741. Д.4. Л. 325 об. – 326).

Постоянным объектом нападения горцев с участием уцмий стал шахский лагерь севернее Дербента «Иран хараб». Как свидетельствуют подлинные архивные источники, в начале марта 1742 г., объединившись с кайтагцами, акушинцами и кумыками, уцмий активизировал военные действия, чтобы «... с шахом поступать войною» (АВПРИ. Ф. 77/1, 1742. Д.10. Л. 61). Попытка шаха привести в покорность уцмий в конце марта обернулась новыми потерями. Разгневанный Надир заявил, что не вернется в Персию, пока не добьется покорности Ахмед-хана, а сам обратился к войскам с таким воззванием: «Кто того Усмея живого приведет, или голову привезет, обещает дать за это тысячу рублей» (АВПРИ. Ф. 77/1, 1742. Д.10. Л. 61 об.).

Но этот призыв также повис в воздухе. Наиболее значительным событием 1742 г. стал повторный провал нашествия Надир-шаха на Кайтаг для овладения крепостью Кала-Корейш, чтобы оттуда двинуться на Аварию. Как пишет иранский историк А.Т. Сардадвар, выделив для взятия этой крепости 22-тысячное войско, шах надеялся на легкую победу. Уверенный в этом, 2 сентября он направился в сторону Акуша, поручив отряду туркменских воинов наступать на Кала-Корейш, где находился «его враг номер один – уцмий Ахмед-хан» (*Сардадвар А.Т.*, 1975. С. 751).

Но вступить в Аварию Надиру на сей раз не пришлось. По словам Сардадвара, уцмий Ахмед-хан, лелеявший мечту собственноручно покончить с шахом в личном поединке, во главе закаленных воинов вышел из крепости и преградил ему путь в сторону Аварии. Разъяренный шах также решил убить Ахмед-хана, но не смог отыскать его среди кайтагских воинов. Началась ожесточенная битва, во время которой шах услышал обращенный к нему на турецком языке голос уцмий: «Геда, гьардасан, афшар-оглу? Чих так-так дауша! («Где ты, сын афшара? Давай сразимся один на один!») (*Сардадвар А.Т.*, 1975. С. 752). Надир не дрогнул и тоже ответил ему по-турецки: «Къайна атам! Мен бурдам гъазир-гъастам!» («Тесть мой* [*По сведениям английского посла в Петербурге К. Рондо, в 1735 г., овладев частью Кайтага, Надир вынудил уцмий Ахмед-хана отправить в персидский лагерь в качестве заложницы свою дочь Патимат-ханум, которую

называли «первой красавицей Востока». (См.: Сб. РИО. Т. 76. 1897. С. 485)], я здесь, я всегда готов») (*Сардадвар А.Т.*, 1975. С. 753).

После обмена такими «любезностями» уцмий и шах устремились друг на друга: Ахмед-хан – сверху, Надир-шах – снизу. В ходе поединка на длинных копьях, как свидетельствует автор, 76-летний уцмий явно стал одолевать 54-летнего шаха, в виду чего телохранители надменного завоевателя, опасаясь за жизнь своего повелителя («в нарушение своих древних традиций не вмешиваться тогда, когда сражаются два полководца», – подчеркивает Сардадвар), «устремились на помощь Надиру, иначе исход поединка мог быть иным... Когда лезгины почти окружили Надира, он понял, что его войско потерпело поражение. Видя это, афшарцы стали отступать и спасли его» (*Сардадвар А.Т.*, 1975. С. 754).

Поредевшие иранские части вернулись в «Иран хараб», подвергавшийся постоянным нападениям горцев и жителей равнинных аулов. Предпринятое в таких условиях в конце 1744 – начале 1745 гг. нашествие шаха на прибрежный Дагестан закончилось очередным провалом, ускорив гибель самого Надира и распад его державы в 1747 г. Столь же безуспешными оказались и попытки турецкого султана Махмуда I привлечь на свою сторону уцмия Ахмед-хана и других дагестанских владетелей.

Более интенсивно ориентация дагестанских владетелей на Россию определилась после гибели Надир-шаха и неудачных попыток Порты возвести на иранский престол своих ставленников. Не случайно в январе 1748 г., принимая присягу на верность России, уцмий Ахмед-хан, кумыкские князья Хасбулат и Эльдар, владетели Табасарана майсум Муртазали и кадий Муртазали, дербентский правитель Гусейн-хан заявили, что «...турецкому султану и персическому шаху мы служить не желаем... ибо мы положили намерение Е.И.В. (императрице Елизавете Петровне. – Авт.) верно служить» (ЦГА РД. Ед.хр. 5. Л.72; Д. 3ф. Л. 1 с об., 19 с об., 21).

Сказанное означает, что к середине XVIII в. внешнеполитический курс дагестанских владетелей оказался ориентированным преимущественно на Россию, оказывавшую им политическую, дипломатическую и иную поддержку, исходя из своих геополитических целей в регионе. Определенную лепту в такое развитие событий внес Ахмед-хан Кайтагский, выбравший с начала дагестанской кампании Надир-шаха однозначно антииранскую пророссийскую ориентацию.

Обобщив имеющиеся данные, наиболее удачно политический облик Ахмед-хана Кайтагского определил известный историк Р.М. Магомедов: «Зимой 1749–1750 гг. в месяце мухараме (между 11 декабря и 9 января) умер Ахмед-хан Большой, – пишет он об этом, – такой эпитет не зря дан ему в летописях тогдашних историков Кайтага. Верховным правителем уцми – Дарго он стал около 1711 г. ... и таким образом правил государством более 40 лет... Это редкостный пример политического долголетия: здесь требуется не только хорошее здоровье, но и выдающие политические способности...»

Общий взгляд... на деятельность Ахмед-хана Большого позволяет отнести его к редкостным мастерам традиционной для XVI–XVIII вв. «политики лавирования». И здесь, конечно, налицо очевидные достижения (главное из них – сохранение границ и международной роли Кайтагского государства, когда вокруг перекрывались границы империй, падали вековые династии, прокатывались иностранные нашествия...») (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 194).

К сказанному можно лишь добавить, что добивался он этих успехов всеми доступными средствами: дипломатией и силой, сложными комбинациями и практически выгодными контактами с местными и зарубежными партнерами. При этом все же следует признать, что в характере уцмия Ахмед-хана на весах Фемиды явно превалировали признаки смелости, силы воли, предвидения возможного хода развития событий и самоотверженного риска для достижения поставленных целей, что в конечном итоге снискало ему признание не только своих соплеменников и соседних дагестанских владетелей, но и правителей противоборствующих в регионе иностранных держав.

ЛИТЕРАТУРА

Алиев Б.Г. Взаимоотношения Акуша-Дарго с Россией и вхождение его в состав русского государства // Русско-дагестанские отношения в XVI – начале XIX в. Тематический сборник. Махачкала, 1988. С. 51–60.

Алиев Б.Г. Даргинцы в борьбе народов Дагестана против Надир-шаха // Информационно-аналитический вестник. Вып. 6. Махачкала, 2003. С. 59–65.

- Алиев Б.Г.* Кайтаг в антииранском противостоянии Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 2 (6). С. 3–7.
- Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. (Кн.1). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1999. – 366 с.
- Алиев Б.Г., Муртазаев А.О.* Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – начале XIX вв.: вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала: Изд. дом «Эпоха», 2008. – 400 с.
- Аллаев М.Н.* Отношения Кайтагского уцмийства с Россией в XVIII – первой четверти XIX в. Дисс. ... к.и.н. Махачкала, 2005. – 236 с.
- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 77: Сношения России с Персией.
- Бакиханов А.-К.А.* Гюлистан-и Ирам. Из истории Дагестана и Ширвана с древнейших времен до 1813 г. Баку: Изд-во «Элм», 1991. – 305 с.
- Бутаев А.А.* Освободительная борьба народов Восточного Кавказа под руководством Хаджи Дауда Мюшкюрского в первой трети XVIII в. Дисс. ... к.и.н. Махачкала, 2003. – 203 с.
- Гаджиев В.Г.* Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала: ГЖТМПРФ, 1996. – 261 с.
- Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1723 // История, география и этнография Дагестана (ИГЭД). М: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 60–120.
- Демир-Шакир, Сотавов М.Н.* Шамхал Адиль-Гирей в кавказской политике Петра I: феномен сотрудничества и противостояния // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия – Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 3 (16). С.11–17.
- [*Лерх И.Я.*] Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 по 1747 гг. Ч. LXII, СПб., 1790, месяц август. – 98 с.
- Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестан 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. (ИГЭД). Архивные материалы под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева. М: Наука, 1958. С. 3–46.
- Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. – 520 с.
- Муртазаев А.О.* Кайтагское уцмийство в политике России и Турции в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии 2006. . № 4 (8). С. 21–29.
- Муртазаев А.О.* Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала: Изд-во. ДНЦ РАН, 2007. – 176 с.
- Муртазаев А.О.* Противостояние уцмий Ахмед-хана политике Петра I в Дагестане в период Каспийского похода // Кавказ и Ближний Восток от Каспийского похода до распада державы Надир-шаха. Материалы междунауч. конф. ИИАЭ, проведенной в рамках «Года Российской науки». Махачкала: Изд-во «Алеф», 2012. С.198–204.
- Мусаев С.А., Курбанов А.Д., Каяев И.А.* Гази-Кумух. Эпоха Сурхай-хана I. Махачкала: ООО «Динем», 2011. – 496 с.
- Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Кн.1. Вып. 4. Тбилиси: Мицниереба, 1974. – 127 с.
- Рашидов М.Р.* Кавказское уцмийство во взаимоотношениях России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в. Дисс. ... к.и.н. Махачкала, 2004. – 177 с.
- Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. (Документы и материалы. Сост. Р.К. Маршаев). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. – 333 с.
- Сардадвар Абу Тораб.* Тарих-е незами ва сийаси-йе доване Надершах-е Афшар. Техран, 1975. – 910 с.
- Сборник русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 76. СПб: Тип. имп. АН, 1897. – 545 с.
- Сотавов Н.А.* Кавказские походы Петра I и Надир-шаха Афшара и их последствия для народов региона // Кавказ и Ближний Восток. Материалы междунауч. конф. ИИАЭ. Махачкала: Изд-во «Алеф», 2012. С. 233–240.
- Сотавов Н.А.* Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. Махачкала: ИД. «Эпоха», 2012. – 304 с.
- Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляра.
- Sidorko Klemens.* Kampf den Ketzerischen ksilbaşı. Die Rewolte des Haggi Daud (1718–1728) // Caucasus between the Ottoman Empire and Iran: 1855–1914. Wiesbaden, 2000. S.133–145.